

«...НОСИЛ ОН СОВЕСТЬ БЛИЗКО К СЕРДЦУ»

После того как в № 28 за этот год мы опубликовали воспоминания В. Золотухина о Владимире Высоцком, редакция получила много писем с просьбой рассказать о нем более подробно. «Хорошо бы узнать о Владимире Семеновиче больше, — пишет нам читатель А. Неделько (г. Брест). — Ведь столько людей встречалось с ним, и каждому этот многогранно талантливый человек дарил неповторимое». Выполняем вашу просьбу, дорогие читатели.

по просьбе читателей

Нина Максимовна с сыном Володей.
Июнь 1950 года.

Имя Владимира Высоцкого до сих пор окружено всевозможными легендами и небывлицами. А хочется знать то, что было на самом деле. Кто лучше других знал его? Друзья? Родные? Кто же, если не мама...

В квартире на Малой Грузинской все, как было при нем. Старинные настенные часы из карельской березы замерли в гостиной на десяти минутах пятого. Здесь на рассвете 25 июля 1980 года остановилось сердце Владимира Высоцкого.

Он не имел звания «народный», но был настоящим народным певцом. Приходят и приходят люди к его могиле, море цветов у памятника. Кажется, будто он умер вчера.

Сегодня в квартире сына живет Нина Максимовна Высоцкая. Ветеран труда, она по специальности переводчик с немецкого языка. В последние перед пенсией годы работала начальником бюро научно-технической документации в НИИ химического машиностроения.

Мы пришли к ней поговорить о сыне. Гости-

ная увешана его фотографиями, заставлена книгами и материалами о человеке и художнике, которого знают сегодня во многих странах. Нина Максимовна перебирает свои записи, показывает снимки из семейного альбома...

— Когда Володя родился, — вспоминает Нина Максимовна, — мы жили против Рижского вокзала, на Первой Мещанской, теперь это проспект Мира. Он рос очень занятым ребенком, рано начал говорить. Первой его фразой, которую произнес, стоя вечером на крыльце дачи, была: «Вон она, луна». К двум годам он знал много стихов и читал их довольно выразительно. При этом неизменно забирался на какое-то возвышение, чаще всего на табурет. В июле 1941 года (Володе тогда исполнилось три года) немцы начали бомбить Москву. Мы с сыном спускались в убежище, и там он находил место повыше и читал стихи, громко и

выразительно, что-нибудь типа этого: «Товарищ Ворошилов, в нынешний год в Красную Армию брат мой идет...»

Однажды после такого «выступления» пожилой мужчина подошел ко мне, тихо сказал: «Спасибо за сына» — и поцеловал мне руку.

Вскоре мы выехали с сыном в Бузулук Оренбургской области, вместе пережили все трудности эвакуации. Жили в селе, иногда я приносила ему с работы чашку молока, он ею делился с другими детьми, говоря при этом: «У них здесь мамы нет, им никто не принесет». Меня часто спрашивают, откуда у сына такое знание военной жизни, ведь война кончилась, когда ему не было и семи лет. Война в его детской памяти осела тяжестью длинных-предлинных переездов в товарных вагонах, изможденными лицами раненых и изголодавшихся людей, недоеданием, бомбежками, смертью родных. Его дядя, мой младший брат Володя, и тетя, моя старшая сестра Надежда, погибли в начале войны.

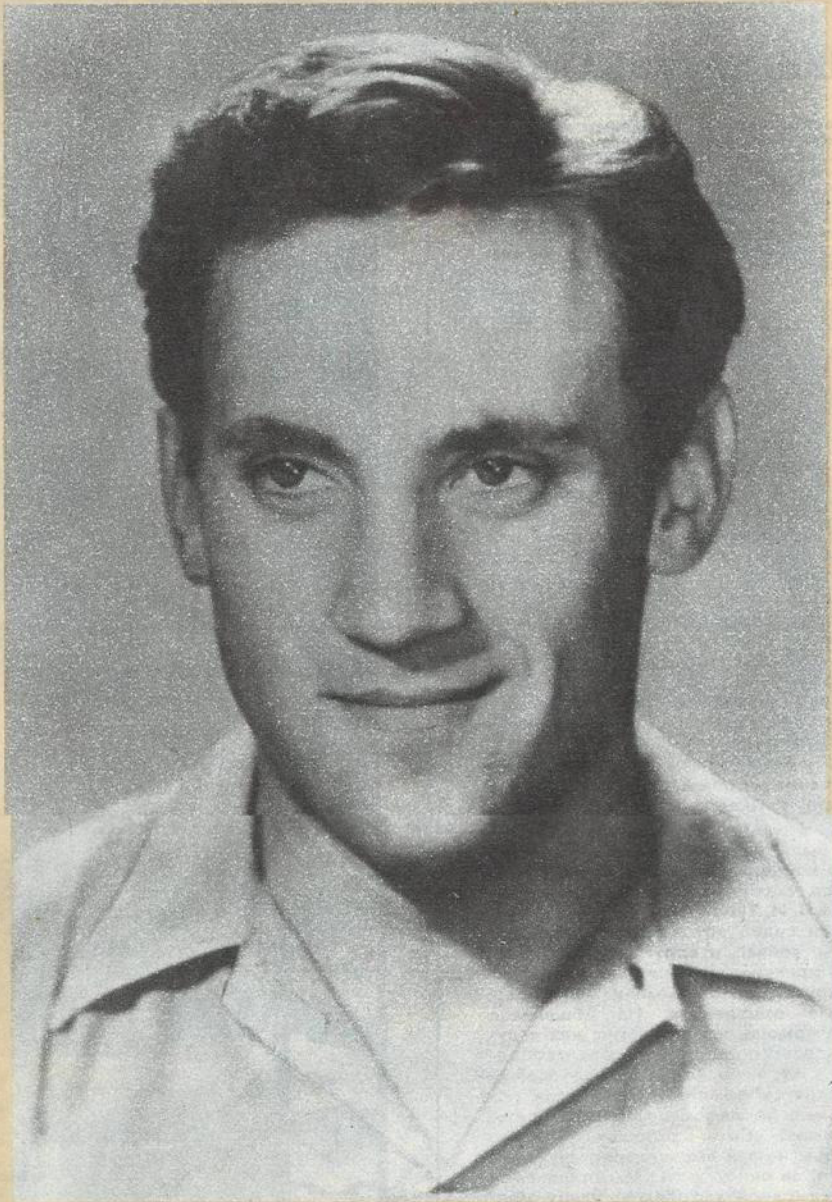
Конечно, сыграло свою роль и то, что отец Володи, Семен Владимирович, был кадровым военным, защищал Москву, освобождал Львов, Прагу, штурмовал Берлин.

Любил Володя общаться и со своим дядей, Алексеем Владимировичем Высоцким, участником войны, полковником, литератором, несомненно, оказавшим на него определенное влияние.

Когда Володя окончил десятый класс, естественно, встал вопрос, где учиться дальше. Володя довольно решительно заявил: хочу в театральный. Но мы все — и я, и его отец, и дедушка, Владимир Семенович Высоцкий, он был юрист, человек широко образованный, — мы этого не хотели. Особенно его отговаривал от театральной карьеры дедушка, а он обладал особым даром убеждать. И убедил. К тому же Володин школьный друг Игорь Кохановский решил поступать в инженерно-строительный. На пару они подали документы в МИСИ. И стали студентами.

Я у приятелей своих раздобыла чертежную доску: а как же, сын скоро будет инженером! Но чертил на ней все больше Игорь, усидчивый, старательный. А сына что-то все отвлекало, то он кофе пил, то просто ходил по комнате туда-сюда, думая о чем-то своем.

Хорошо помню, как однажды поздно вечером, точнее, даже ночью, они сидели и чертили у нас дома. Это было в середине первого курса. И вдруг я услышала, как сын кричит: «Все! Хватит! В этом институте я больше не учусь!» Я зашла к ним в комнату и вижу, как Володя выплескивает на свой чертеж тушь из банки. Этот чертеж я храню до сих пор.

Владимир Высоцкий.

Фото Н. Львова

«Инженерной деятельности с меня довольно, не могу больше»,— говорит он смеясь. Наутро я бросаюсь к своему мудрому свекру за советом. Владимир Семенович сказал, что надо идти в деканат и там искать союзников, чтобы вместе удержать парня от глупости. Конечно, это казалось нам глупостью: поступить в институт и вдруг...

Я пошла в деканат. Декан института позвал при мне Володю и сказал ему: «Высоцкий, не делайте опрометчивого шага, у вас явные способности к математике».

«Вполне возможно,— уверенно ответил Володя,— но инженером я быть не хочу и не буду. Это не мое, понимаете? Так зачем же мне занимать место, предназначенное для другого, которому это нужнее, чем мне».

А вечером дома Владимир сказал мне: «Ты, мама, не волнуйся, я знаю, что придет время, я буду на сцене, а ты будешь сидеть в зале, и тебе захочется рядом сидящему незнакомому человеку шепнуть: это мой сын. Я стану актером, хорошим актером, и тебе стыдно за меня не будет».

И я как-то сразу ему поверила и уже не переживала так сильно.

— Эти полгода до поступления в театральную студию он, наверное, усиленно готовился?

— Да, это было очень напряженное для него время. Он тогда занимался в драматическом кружке, которым руководил актер МХАТа

Владимир Богомолов. Я как-то зашла к ним на репетицию. Володя изображал крестьянина, который пришел на вокзал и требует у кассирши билет, ему отвечают, что билетов нет, а он добивается своего. Я впервые увидела его на сцене и до сих пор помню свое удивление, настолько неожиданны были для меня все его актерские приемы. После репетиции я подошла к Богомолову и спросила (хотя уже знала ответ): «Может ли Володя посвятить свою жизнь сцене?»

«Не только может, но должен! У вашего сына талант»,— ответил актер.

Володя до глубокой ночи пропадал в кружке. Он много мне рассказывал, как они репетируют, как сами готовят декорации, как шьют костюмы. Это было время одержимого ученичества, читал он запоем, впрочем, книги сын любил всегда, всю жизнь и собирал их с большим старанием.

— Скажите, Нина Максимовна, Володя писал тогда стихи?

— Они с Игорем Кохановским слагали стихи еще в школе. У Игоря осталась толстая тетрадь, написанная их стихами. Темы они брали из школьной жизни, и стихи, как я помню, получались довольно веселые.

— А когда сын начал петь?

— Это было уже на первом курсе театрального. Кое-кто сегодня пытается приписать себе заслугу в том, что обучил Володю игре на

гитаре. А на самом деле было так. Перед своим семнадцатилетием он сказал: «Ты все равно подарок мне будешь искать, так купи гитару». Я купила. И еще самоучитель, а сын говорит: «Ну, это лишнее, я играть уже умею». На моих глазах он подстроил гитару и начал играть довольно сносно. Видно, у дворовых ребят кое-что перенял. Но петь свои песни он начал, уже будучи студентом театрального. Я ему несколько раз потом говорила, что он должен выучить нотную грамоту, если думает серьезно заниматься сочинением песен. А он все отнекивался: мол, зачем, я и так все запомню. И действительно, у него была удивительная память, он мог с одного раза запомнить почти дословно содержание прочитанного рассказа, услышанного большого стихотворения. Еще ребенком он мог во всех подробностях и очень образно пересказать содержание увиденного фильма или спектакля.

— Он легко поступил в театральный?

— Нет, эти экзамены дались ему трудно. Дело осложнялось его хрипловатым голосом. Помню, я услышала, как говорили тогда о сыне: «Это какой Высоцкий? Который хриплый?..» Володя обратился к профессору-отоларингологу, и ему дали справку, что голосовые связки у него в порядке и голос может быть поставлен. К экзаменам ему помогал готовиться Богомолов, которого можно назвать первым театральным учителем Володи.

Художественным руководителем их курса был Павел Массальский. Занимался Володя очень увлеченно, пропадал в студии целыми днями. Помню, как покупала в «Елисеевском» магазине перед самым закрытием колбасу, несколько булок, масло и несла сыну и его товарищам. Володя много времени тратил на студенческие «капустники», вечера отдыха.

Ведь он умел очень точно схватить и передать характер другого человека и бесстрашно пародировал своих педагогов — Массальского, Тарханова, Кедрова. Ректор студии Радомысленский как-то назвал Володю несправедливым сатириком. Умел он посмеяться и над собой. О себе иначе чем в шутку говорить не любил.

— Вы не помните своего впечатления от его первой песни? Какой она вам показалась?

— Вы знаете, мне его первые, далеко не изящные песни не нравились. Теперь их называют то блатными, то дворовыми. Откровенно говоря, я не принимала всерьез тогдашнего его сочинительства, да и он сам, по-моему, тоже. Потом он понял, что к слову надо относиться иначе, и тогда пошла глубокая работа. Впервые я осознала, что мой сын сочиняет настоящие песни, после фильма «Вертикаль». Позже я слушала его уже в захлеб. Да иначе и нельзя было его слушать: кому бы он ни пел, тысяче слушателей или одному человеку, который приходил к нему в гости, он всегда выкладывался полностью, словно пел в последний раз.

— А ваша любимая из его песен?

— «Охота на волков». Кстати говоря, когда она родилась, помню, Евгений Евтушенко прислал с Севера, где он гостил у моряков, телеграмму: «Слушали твою песню двадцать раз подряд. Становлюсь перед тобой на колени».

Все Володины песни — это продолжение его жизни. Он часто приходил ко мне ночью и говорил: «Мама, я песню написал». И я была первая его слушательница. Если было холодно, он раскрывал нараспашку окно, словно ему было тесно в квартире, и тогда обязательно под окном собирались запоздалые прохожие, и иногда они спорили, магнитофон это или пластинка звучит. Потом он все чаще стал петь только что рожденные песни Марине Влади, своей жене, хотя она нередко находилась за тысячи километров от него. Счета за телефонные разговоры, точнее, за его телефонные концерты, были чуть ли не из трехзначных цифр, но это его не смущало. «Мамочка»,— говорил он, видя, что я беспокоюсь о его расходах,— деньги мы для того и зарабатываем, чтобы их тратить». Поначалу ему с его нетерпением было трудно дожидаться, когда его соединят с любимой женщиной, и песня «07» появилась как раз в один из вечеров, когда он ждал разговора с Парижем. Потом телефонистки уже хорошо его знали, соединяли сразу и порой сами были слушательницами этих необычных концертов.